

ЁЛКА С СЮРПРИЗОМ

Чероки называли отцом Жёлтой Кирки. А Жёлтая Кирка была новым золотоискательским посёлком, возведённым преимущественно из неостроганных сосновых брёвен и парусины. Чероки был старателем. Как-то раз, пока его ослик утолял голод кварцем и сосновыми шишками, Чероки выворотил киркой самородок в тридцать унций весом. Чероки застолбил участок и тут же — как радушный хозяин и человек с размахом — разослал всем своим друзьям в трёх штатах приглашение приехать, разделить с ним его удачу.

Никто из приглашённых не ответил вежливым отказом. Они прикатили с реки Хилы, с Рио-Пекос и с Солёной реки, из Альбукерка и Феникса, из Санта-Фэ и из всех окрестных старательских лагерей.

Когда около тысячи золотоискателей застолбили участки и обосновались на них, они назвали своё поселение Жёлтой Киркой, избрали комитет охраны общественного порядка и преподнесли Чероки цепочку для часов из небольших самородков.

Через три часа после окончания церемонии с цепочкой золото на участке Чероки иссякло. Он застолбил не жилу, а карман. Чероки бросил участок и принялся столбить новые — один за другим. Но счастье повернулось к нему спиной.

Золотого песка, который он намывал за день, ни разу не хватило, чтобы оплатить его счёт в баре. Зато почти у всех приглашённых им старателей дела шли на лад, и Чероки радостно улыбался и поздравлял их с успехом.

В Жёлтой Кирке подобрался народ, уважавший тех, кто не падает духом от неудачи. Старатели спросили Чероки, что они могут для него сделать.

— Для меня? — сказал Чероки. — Да что ж, небольшая ссуда пришлась бы сейчас в самую пору. Надо, пожалуй, попытать счастья в Марипозе. Если нападё там на хорошую залежь, тут же пришлю вам весточку. Вы же знаете: я не из тех, кто скрывает свою удачу от друзей.

В мае Чероки навьючил своё снаряжение на ослика и повернул его задумчивой мышасто-серой мордой на север. Толпа новосёлов проводила его до воображаемой городской заставы, и он зашагал дальше, напутствуемый прощальными криками и пожеланиями успеха. Пять фляжек без единого пузырька воздуха между пробкой и содержимым были силком рассованы по его карманам. Чероки просили не забывать, что в Жёлтой Кирке его всегда будут ждать постель, яичница с салом и горячая вода для бритья, если Фортуна не надумает заглянуть к нему на стоянку в Марипозе, чтобы погреть руки у его костра.

Чероки получил это своё прозвище в соответствии с существовавшей среди старателей номенклатурной системой. Предъявления свидетельства о крещении не требовалось — каждый получал свою кличку и без этого. Имя и фамилия человека считались его

личной собственностью, а чтобы его удобнее было кликнуть к стойке и как-то отличить от других облаченных в синие рубахи двуногих, общество присваивало ему какое-нибудь временное звание, титул или прозвище. Повод для этих не предусмотренных законом крестин чаще всего усматривался в личных особенностях каждого. Ко многим без труда приставало название той местности, из которой они, по их словам, прибыли. Некоторые громко и нахально именовали себя Адамсами, или Томпсонами, или ещё как-нибудь в том же роде, бросая этим тень на свою репутацию. Кое-кто хвастливо и бесстыдно раскрывал своё бесспорно подлинное имя, но это воспринималось как пустое зазнайство и не имело успеха среди старателей. Одному типу, заявившему, что его зовут Честертон Л. К. Белмонт, и предъявившему в доказательство бумаги, категорически предложили покинуть город до захода солнца. Особенно в ходу были клички вроде: Коротыш, Криволапый, Техасец, Лежебока Билл, Роджер-Выпивоха, Хромой Райли, Судья и Эд-Калифорния. Чероки получил своё прозвище потому, что он прожил будто бы некоторое время среди этого индейского племени.

Двадцатого декабря Болди, почталъон, прискакал в Жёлтую Кирку с потрясающей новостью.

— Как вы думаете, кого я видел в Альбукерке? — спросил Болди, заняв своё место у стойки бара. — Чероки. Разряжен в пух и прах, словно какой-нибудь султан турецкий, и швыряет деньгами направо и налево. Мы с ним погуляли на славу и отпробовали слабительной шипучки, и Чероки оплачивал все счета наложенным платежом. Карманы

у него раздулись от денег, как бильярдные лузы, набитые шарами.

— Чероки, должно быть, напал на хорошую жилу, — сказал Эд-Калифорния. — Вот порядочный малый! Я глубоко признателен Чероки за то, что ему наконец повезло.

— Не мешало бы Чероки притопать теперь в Жёлтую Кирку, проведать старых друзей, — заметил кто-то с ноткой огорчения в голосе. — Ну, да так оно всегда бывает. Деньги — лучшее средство, чтоб отшибло память.

— Пойдите, — возразил Болди, — я ещё не всё рассказал. Чероки застолбил трёхфунтовую жилу там, в Марипозе, и с каждой тонны руды добывал столько золота, что хоть всякий раз кати в Европу. Эту свою жилу он продал одному синдикату и получил сто тысяч долларов чистоганом. После этого он купил себе шубу из новорождённых котиков, и красные сани, и... ну, угадайте, что ещё он надумал?

— В карты режется, — высказал предположение Техасец, который не мыслил себе развлечений вне азарта.

— Ах, поцелуй меня скорей, моя красотка! — пропел Коротыш, носивший в кармане чью-то фотографию и не снимавший пунцового галстука даже во время работы на участке.

— Купил пивную, — решил Роджер-Выпивоха.

— Чероки повёл меня к себе в комнату, — продолжал Болди, — и кое-что мне показал. У него там целый склад кукол, барабанов, попрыгунчиков, коньков, мешочков с леденцами, хлопушек, заводных барашков и прочей дребедени. И как вы думаете, что

он собирается делать со всеми этими бесполезными побрякушками? Нипочём не угадаете. Ну так вот, Чероки мне сказал. Он задумал погрузить всё это в свои красные сани и... стойте, стойте, подождите заказывать виски!.. прискакать сюда, в Жёлтую Кирку, и закатить здешней детворе — ну да, да, здешней детворе! — такую большую рождественскую ёлку и такой великий кутёж с раздачей Говорящих Кукол и Больших Столярных Наборов для Маленьких Умных Мальчиков, какие не снились ещё ни одному сосунку к западу от мыса Гаттерас!

После этих слов минуты на две воцарилось гробовое молчание. Оно было нарушено барменом. Решив, что удобный момент для проявления радушия настал, он двинул по стойке свою батарею стаканов; следом за ними и не столь стремительно поплыла бутылка виски.

— А ты сказал ему? — спросил старатель по кличке Тринидад.

— Да нет, — с запинкой отвечал Болди, — не сказал. Как-то к слову не пришлось. Ведь Чероки уже закупил всю эту муру и уплатил за неё сполна, и уж так-то был доволен собой и своей затеей... И мы с ним успели порядком нагрузиться этой самой шипучкой. Нет, я ничего ему не сказал.

— Признаться, я несколько изумлён, — молвил Судья, вешая свою тросточку с ручкой из слоновой кости на стойку бара. — Как мог наш друг Чероки составить себе столь превратное представление о своём, так сказать, родном городе?

— Ну, то ли ещё бывает на свете, — возразил Болди. — Чероки уехал отсюда семь месяцев назад.

Мало ли что могло случиться за это время. Откуда ему знать, что в городе совсем нет ребятишек и пока не ожидается.

— Да ведь если рассудить, — заметил Эд-Калифорния, — так это даже странно, что никаким ветром их к нам ещё не занесло. Может, это потому, что в городе покуда не налажено снабжение сосками и пелёнками?

— А для пущего эффекта, — сказал Болди, — Чероки решил сам нарядиться Дедом Морозом. Он раздобыл себе белый парик и бороду, в которых он как две капли воды похож на этого парня Лонгфелло, если судить по портрету в книжке. И потом ещё красный, обшитый мехом, исподний балахон, чтобы надевать поверх всего, пару красных рукавиц и круглый красный стоячий колпак с отложным кончиком. Позор да и только, как подумаешь, что всё это обмундирование пропадёт зря, когда столько разных Энн и Вилли мечтают об эдаком чуде!

— А когда Чероки думает прибыть сюда со своим товаром? — спросил Тринидад.

— В сочельник утром, — сказал Болди. — И он хочет, чтобы вы, ребята, приготовили помещение, и поставили ёлку, и пригласили дам помочь наряжать её. Но только таких, которые умеют держать язык за зубами, — чтоб полный был сюрприз для ребят.

Отмеченное собеседниками прискорбное состояние Жёлтой Кирки соответствовало действительности. Ни разу ребячий голосок не порадовал обитателей этого на скорую руку возведённого посёлка. Ни разу топот резвых детских ножек

не прозвучал на его единственной немощёной улице между двумя рядами палаток и бревенчатых хижин. Всё это пришло потом. Но в те дни Жёлтая Кирка была просто затерянным в горах старательским лагерем, и никто ещё не видел там горящих ожиданием плутовских глаз, нетерпеливо встречающих зарю праздничного дня, или рук, жадно протянутых к таинственным дарам Деда Мороза, не слышал восторженных криков по поводу великой зимней радости — ёлки. Словом, не было в Жёлтой Кирке ничего, что могло бы послужить наградой добросердечному Чероки за тот ворох добра, который он туда вёз.

Женщин в Жёлтой Кирке было всего пять. Из них три — жена пробирщика, хозяйка гостиницы «Счастливая находка» и прачка, намывавшая в своём корыте на унцию золотого песка в день, — составляли оседлую часть женского населения посёлка. Остальные две были сёстры Спэнглер — мисс Фаншон и мисс Ирма — из Передвижного драматического, который играл сейчас в импровизированном театре «Ампир». Но детей в посёлке не было. Иной раз мисс Фаншон исполняла не без огонька роль какого-нибудь бойкого подростка, но создаваемый ею образ был плачевно далёк от того детского облика, который рисовался воображению как достойный объект праздничных щедрот Чероки.

Рождество приходилось на четверг. Во вторник утром Тринидад не пошёл работать на участок, а направился к Судье в гостиницу «Счастливая находка».

— Жёлтая Кирка опозорит себя навеки, — заявил Тринидад, — если мы не поддержим Чероки

в этом его ёлочном загуле. Чероки, можно сказать, создал наш город. Я лично решил кое-что предпринять, чтобы Дед Мороз не оказался в дураках.

— Это начинание, — сказал Судья, — встретит всемерную поддержку с моей стороны. Я многим обязан Чероки. Однако я не вижу путей и средств... собственно говоря, отсутствие детей в нашем городе я до этой минуты склонен был рассматривать скорее как благодеяние... хотя при сложившихся обстоятельствах... тем не менее я всё-таки не вижу путей и средств...

— Взгляните на меня, — сказал Тринидад, — и вы увидите. Пути и средства стоят перед вами и уже собрались в путь-дорогу. Я сейчас раздобуду упряжку и пригоню на представление нашего Деда Мороза целый фургон детворы... хотя бы пришлось совершить налёт на сиротский приют.

— Эврика! — воскликнул Судья.

— Нет, врётё! — решительно возразил Тринидад. — Это я первый нашёл. Я когда-то тоже учил латынь в школе.

— Я буду вас сопровождать, — заявил Судья, размахивая тросточкой. — Тот небольшой дар речи и ораторские способности, которыми я обладаю, могут пригодиться нам, когда нужно будет убедить наших юных друзей предоставить себя на некоторое время напрокат для осуществления наших планов.

Через час Жёлтая Кирка была оповещена о плане Тринидада и Судьи и единодушно его одобрила. Каждый, кому было известно, что где-нибудь в радиусе сорока миль от Жёлтой Кирки проживает семья с малолетними отпрысками, поспешил

поделиться своими сведениями. Тринидад тщательно всё записал и, не теряя времени, отправился на розыски лошадей и возка.

Первую остановку намечено было сделать у пятистенной бревенчатой хижины в двадцати милях от Жёлтой Кирки. Тринидад покричал у ворот, из хижины вышел хозяин и стал, облокотившись о расшатанную калитку. На порог высыпала орава ребятишек, порядком оборванных, но пышущих здоровьем и снedaемых любопытством.

— Вот какое дело, — начал Тринидад. — Мы из Жёлтой Кирки. Приехали похитить у вас детишек на добровольных, так сказать, началах. Один из наших видных горожан одержим ёлочной манией и пожелал стать Дедом Морозом. Завтра он прикатит в город с целым возом разной чепухи, выкрашенной в красную краску и изготовленной в Германии. А у нас в Жёлтой Кирке самый младший из сорванцов обзавёлся уже сорокапятикалиберным револьвером и безопасной бритвой. Так кто же будет кричать «Ох!» и «Ах!», когда на ёлке зажгутся свечки? Словом, друг, если вы одолжите нам парочку ребят, мы обещаем возратить их в полной сохранности. В первый день Рождества они будут доставлены обратно в лучшем виде и притащат с собой Робинзонов в красивых переплётах, рога изобилия, красные барабаны и прочие вещественные доказательства. Ну, как?

— Другими словами, — вмешался Судья, — мы впервые со дня основания нашего небольшого, но процветающего города обнаружили его несовершенство в смысле совершенного отсутствия в нём

несовершеннолетних. И ввиду приближения того календарного срока, когда обычаем предусмотрено награждать, так сказать, нежных и юных различными бесполезными, но ходкими предметами...

— Понятно, — сказал хозяин, уминая большим пальцем табак в трубке. — Не стану задерживать вас, джентльмены. У нас со старухой, скажем прямо, семеро ребятишек. Так вот, я перебрал в уме всю кучу и что-то не вижу, кого из них мы могли бы уступить вам для вашей гулянки. Старуха уже нажарила кукурузных зёрен, а в комодке у неё спрятаны тряпичные куклы, и мы сами думаем кутнуть на праздничках, хотя и по-домашнему, без затей. Словом, мне эта ваша выдумка не очень-то по душе, и я ни одного из своих ребят не уступлю. Премного вам благодарен, джентльмены.

Они покатали под гору, взобрались на другой холм и остановили возок у ранчо Уайли Уилсона. Тринидад изложил свою просьбу. Судья торжественно прогудел партию для второго голоса. Миссис Уайли спрятала двух розовощёких пострелят в складках своей юбки и не улыбнулась до тех пор, пока не увидела, что мистер Уайли смеётся и отрицательно качает головой. Опять отказ!

Когда в низине меж холмами начали сгущаться сумерки, Тринидад и Судья уже исчерпали больше половины своего списка — и всё впустую. Они заночевали в придорожной гостинице и на заре снова пустились в путь. В возке не прибавилось ни одного седока.

— Я, кажется, начинаю понимать, — сказал Тринидад, — что получить ребёнка напрокат

на праздники так же трудно, как украсть масло у человека, который собрался есть блины.

— Не подлежит никакому сомнению, — отозвался Судья, — что семейные узы приобретают в этот период года исключительную, так сказать, прочность.

В канун праздника они покрыли тридцать миль, сделали четыре бесплодных остановки и произнесли четыре не имевших успеха воззвания. Детвора везде была на вес золота.

Солнце уже клонилось к закату, когда жена старшего обходчика на какой-то глухой железнодорожной ветке, загородив собой ещё одно, не подлежащее изъятию сокровище, сказала:

— На Гранитной Стрелке работает сейчас новая буфетчица. У неё, кажется, есть сынишка. Может, она и отпустит его с вами.

В пять часов вечера Тринидад пригнал своих мулов к станции Гранитная Стрелка. Поезд только что отошёл, забрав с собой утоливших голод и умиротворённых пассажиров.

На ступеньках железнодорожного буфета они увидели тощего угрюмого мальчонку лет десяти, с папиросой в зубах. В буфете, где пассажиры с налёту удовлетворили свой кочевой аппетит, царил хаос. Молодая, но искушённая заботами женщина в полном изнеможении сидела откинувшись на спинку стула. Лицо её хранило следы своеобразной красоты — той, что никогда не исчезает бесследно, но которую нельзя и вернуть. Тринидад разъяснил ей цель их приезда.

— Да я буду рада, если вы хоть ненадолго заберёте с собой Бобби, — устало сказала

женщина. — Крутишься тут как заведённая с утра до ночи — некогда за ним присмотреть. А он набирается дурных примеров от взрослых. Какие уж тут ёлки — вот разве что у вас...

Мужчины вышли на крыльцо для переговоров с Бобби. Тринидад в живых красках описал ему роскошную ёлку с подарками.

— А потом, мой юный друг, — добавил Судья, — сам Дед Мороз явится к вам с дарами, как бы в ознаменование того, как некогда волхвы...

— А, бросьте заливать! Я не ребёнок, — насмешливо прищурившись, прервал его Бобби. — Нет никаких Дедморозов. Это вы, дяди, сами покупаете в лавке всякую дрянь и суёте ребятам ночью под подушки. И пачкаете каминными щипцами пол — будто Дед Мороз приехал на санях.

— Ну, может, и так, — примирительно сказал Тринидад. — Но ёлки-то ведь всамделишные. А у нас будет знаешь какая! Как универсальный магазин в Альбукерке — все игрушки не дешевле десяти центов. И барабаны будут, и волчки, и Ноев ковчег, и...

— К чёрту! — холодно сказал Бобби. — Я с этим давно покончил. Хочу ружьё. Не игрушечное, а настоящее, чтоб стрелять диких котов. Так у вас небось не найдётся ружья на вашей дурацкой ёлке?

— Поручиться не могу, — сказал Тринидад дипломатично, — но кто его знает... Поедем с нами, а там видно будет.

Заронив этот слабый луч надежды в душу Бобби, вербовщики вынудили у него согласие пойти навстречу филантропическому порыву Чероки

и пустились со своим единственным трофеем в обратный путь.

В Жёлтой Кирке тем временем помещение пустовавшего склада было превращено в праздничный зал, разукрашенный, как чертоги доброй аризонской феи. Дамы потрудились не зря. Ёлка, вся в свечах, серебряной мишуре и игрушках, которых хватило бы на добрых два десятка ребят, высилась в центре зала. Когда свечерело, все, сжигаемые нетерпением, стали выглядывать на улицу, не покажется ли возок с похитителями детей. Ещё в полдень Чероки влетел в посёлок на красных санях, заваленных свёртками, куляками и коробками самой различной формы и размера. И так был он увлечён выполнением своего бескорыстного замысла, что даже не заметил отсутствия ребят в посёлке, а открыть ему глаза на позорное состояние Жёлтой Кирки ни у кого не хватило духу; к тому же все твёрдо верили, что Тринидад и Судья сумеют восполнить этот ужасающий пробел.

Когда солнце село, Чероки хитро подмигнул собравшимся и с лукавой улыбкой на обветренном морщинистом лице удалился из зала, прихватив узелок со всем реквизитом Деда Мороза и ещё один таинственный пакет с игрушками.

— Как только ребята соберутся, — наказывал он членам добровольного ёлочного комитета, — зажгите ёлку и поиграйте с ними в кошки-мышки. А когда у них пойдёт дым коромыслом, вот тогда... тогда Дед Мороз потихоньку проскользнёт в дверь. Подарков, думается мне, должно хватить.

Дамы порхали вокруг ёлки, в последний раз перевешивая какие-то украшения, чтобы тут же

перевесить их заново. Сёстры Спэнглер тоже были здесь: одна в костюме леди Вайолет де Вир, другая — служанки Мари, персонажей из новой пьесы «Невеста рудокопа». Спектакли в театре начинались только в девять часов, и актрисы с благосклонного разрешения комитета помогали наряжать ёлку. Кто-нибудь то и дело выскакивал на крыльцо и прислушивался, не возвращается ли упряжка Тринидада. Тревога росла, ибо надвигалась ночь и пора было зажигать ёлку, да и Чероки в любую минуту мог, не спросясь, появиться на пороге в полном облачении рождественского Деда.

Но вот на улице заскрипел возок, и «похитители» подъехали к складу. Дамы всполошились и с восторженными восклицаниями бросились зажигать свечи. Мужчины беспокойно прохаживались из угла в угол или стояли небольшими группами, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

Тринидад и Судья, истомлённые долгими странствиями, вступили в зал, ведя за руку тщедушного, озорного с виду мальчишку. Мальчишка презрительным взглядом исподлобья окинул пёстро разряженную ёлку.

— А где же остальные дети? — спросила жена пробирщика, игравшая первую скрипку во всех светских начинаниях города.

— Сударыня, — со вздохом отвечал Тринидад, — отправляться на разведку за детьми перед праздником — всё равно что искать серебро в известняках. Так называемые родительские чувства — сплошная для меня загадка. Похоже, что папашам и мамашам совершенно безразлично, если их

потомство все триста шестьдесят четыре дня в году будет тонуть, объедаться ядовитыми дубовыми орешками, попадать в лапы диких котов или похитителей детей. Но в сочельник оно, вынь да положь, должно отравлять своим присутствием семейные сборища. Этот вот экземпляр, сударыня, — единственное, что нам удалось откопать в результате двухдневных разведок на местности.

— Ах, прелестное дитя! — проворковала мисс Ирма, волоча свой театральный шлейф к середине сцены.

— Отвяжитесь! — хмуро буркнул Бобби. — Кто это — «дитя»? Уж не вы ли?

— Дерзкий мальчишка! — ахнула мисс Ирма, не успев погасить эмалевой улыбки.

— Старались, как могли, — сказал Тринидад. — Обидно за Чероки, да что ж поделаешь.

Тут распахнулась дверь — и появился Чероки в традиционном костюме Деда Мороза. Белые космы парика и пышная белая борода закрывали почти всё его лицо, видны были только тёмные, искрившиеся весельем глаза. За спиной он нёс мешок.

Все замерли при его появлении. Даже сёстры Спэнглер, забыв принять кокетливые позы, с любопытством уставились на высокую фигуру рождественского Деда. Бобби, насупившись, засунув руки в карманы, угрюмо рассматривал нелепое, обвешанное побрякушками дерево. Чероки опустил на пол свой мешок и с удивлением огляделся по сторонам. Быть может, у него мелькнула мысль, что нетерпеливую ватагу ребятишек загнали куда-нибудь в угол, чтобы выпустить оттуда, как только он войдёт.

Чероки направился к Бобби и протянул ему руку в красной рукавице.

— Поздравляю тебя с праздником, мальчуган, — сказал он. — Можешь брать с ёлки всё, что тебе нравится, — мы сейчас достанем. Ну, давай руку, поздоровайся с Дедом Морозом.

— Нет никаких Дедморозов, — шмыгнув носом, проворчал Бобби. — У тебя фальшивая борода. Из старых козлиных очёсов. Я не ребёнок. На черта мне эти куклы и оловянные лошадки? Кучер сказал, что дадут ружьё. А у тебя его нет. Я хочу домой.

Тринидад пришёл на помощь. Он схватил руку Чероки и горячо её потряс.

— Ты уж прости, Чероки, — сказал он. — Нет у нас в Жёлтой Кирке никаких ребят, да и сроду не было. Мы надеялись пригнать их целый косяк на твоё суарэ, да вот, кроме этой сардинки, ничего не удалось выловить. А он, понимаешь ли, атеист и не верит в рождественских Дедов. Нам очень сожалею, что ты зря потратился. Да ведь мы с Судьёй думали, что притащим сюда целую ораву мелюзги и все твои свистульки пойдут в ход.

— Ну и ладно, — спокойно сказал Чероки. — Подумаешь, какие траты, есть о чём говорить! Свалим всё это барахло в старую шахту, да и дело с концом. Но надо же быть таким ослом — прямо из головы вон, что в Жёлтой Кирке нету ребяташек!

Гости меж тем с похвальным усердием, хотя и без особого успеха, делали вид, что веселятся вовсю.

Бобби отошёл в угол и уселся на стул. Холодная скука была отчётливо написана на его лице. Чероки,

ещё не вполне отвыкнув от своей роли, подошёл и сел рядом.

— Где ты живёшь, мальчик? — вежливо осведомился он.

— На Гранитной Стрелке, — нехотя процедил Бобби.

В зале было жарко. Чероки снял свой колпак, парик и бороду.

— Эй! — несколько оживившись, произнёс Бобби. — А ведь я тебя знаю.

— Разве мы с тобой встречались, малыш?

— Не помню. А вот карточку твою я видел. Сто раз.

— Где?

Бобби колебался.

— Дома. На комодe.

— Скажи, пожалуйста, мальчик, а как тебя зовут?

— Роберт Лэмсден. Это материна карточка. Она прячет её ночью под подушку. Я раз видел даже, как она её целовала. Вот уж нипочём бы не стал. Но женщины все на один лад.

Чероки встал и поманил к себе Тринидада.

— Посиди с мальчиком, я сейчас вернусь. Пойду сниму этот балахон и заложу сани. Надо отвезти мальчика домой.

— Ну, безбожник, — сказал Тринидад, занимая место Чероки. — Ты, брат, значит, настолько одряхлел и всем пресытился, что тебя уже не интересует разная ерунда вроде сладостей и игрушек?

— Ты неприятный тип, — язвительно сказал Бобби. — Ты обещал, что будет ружьё. А здесь человеку даже покурить нельзя. Я хочу домой.

Чероки пригнал сани к крыльцу, и Бобби водрузили на сиденье. Резвые лошадки бойко рванулись вперёд по укатанной снежной дороге. На Чероки была его пятисотдолларовая шуба из новорождённых котиков. меховая полость приятно грела.

Бобби вытащил из кармана папиросу и принялся чиркать спичкой.

— Брось папиросу! — сказал Чероки спокойно, но каким-то новым голосом.

После некоторого колебания Бобби швырнул папиросу в снег.

— Брось всю коробку, — приказал новый голос.

Мальчик повиновался не сразу, но всё же исполнил и этот приказ.

— Эй! — сказал вдруг Бобби. — А ты мне нравишься. Не пойму даже почему. Попробовал бы кто-нибудь так надо мной командовать!

— Послушай, малыш, — сказал Чероки обычным голосом. — А ты не врешь, что твоя мать целовала эту карточку? Ту, что на меня похожа?

— Не вру. Сам видел.

— Ты, кажется, что-то говорил насчёт ружья?

— Ну да. А что? Есть у тебя?

— Завтра получишь. С серебряными нашлапками.

Чероки поглядел на часы.

— Половина десятого. Что ж, мы с тобой доберёмся до Гранитной Стрелки как раз к празднику, минута в минуту. Тебе не холодно? Садись поближе, сынок.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК ПО-КОВБОЙСКИ

По достижении двадцатилетнего возраста иску-
сительный плод вполне созрел. Если вам случалось
бывать хотя бы на расстоянии пятидесяти миль
от ранчо Сэндаун, вы наверняка слышали об этом
чуде. Густые, чёрные как смоль волосы, тёмно-ка-
рие глаза, а смех точно журчание ручейка, бегущего
по прерии. Имя — Розита Мак-Меллэн. То была
дочь старого Мак-Меллэна, владевшего овечьим
ранчо Сэндаун.

Однажды в Сэндаун прибыли верхом на двух
золотисто-рыжих конях — или, выражаясь точнее,
на облезлых гнедых — два претендента на руку Ро-
зиты. Один из них был Мэдисон Лэн, а другой —
Малыш с Фрио. Но в это время его не звали Ма-
лышом с Фрио: он ещё не успел тогда заслужить
честь особой клички. Имя его было попросту Джон-
ни Мак-Рой.

Не подумайте, однако, что эти двое были един-
ственными обожателями прекрасной Розиты. Дю-
жина других коней грызла удила, стоя у длинной
коновязи ранчо Сэндаун. Множество глаз при
виде Розиты становились совсем бараными, хотя
и не принадлежали баранам Дана Мак-Меллэна.

Но Мэдисон Лэн и Джонни Мак-Рой далеко обогнали остальных участников этого гандикапа, а потому мы и заносим их имена в летопись.

Мэдисон Лэн, молодой скотовод из округа Нуэсес, остался победителем. Он и Розита были обвенчаны в день Рождества. Вооружённые, весёлые, шумные ковбои и овчары, великодушно отложив свою наследственную взаимную ненависть, объединились, чтобы общими силами отпраздновать торжество.

На ранчо Сэндаун стон стоял от револьверных залпов, от блеска сбруи и глаз, от поздравлений и приветствий.

Но когда свадебное торжество достигло крайнего предела веселья, вдруг появился Джон Мак-Рой, мрачный, терзаемый ревностью, похожий на одержимого.

— Я вам сейчас поднесу рождественский подарок! — завопил он громовым голосом и встал у дверей, держа в руках револьвер 45-го калибра. Уже в те времена он имел репутацию необычайно меткого стрелка.

Первая его пуля сразила мочку правого уха у Мэдисона Лэна. Дуло револьвера отклонилось на один дюйм. Следующий выстрел поразил бы новобрачную, если бы у овчара Карсона винтики в голове не оказались хорошо смазаны и не работали бы так быстро. Садясь за стол, гости, соблюдая хороший тон, повесили свои револьверы, вместе с поясами, на гвозди, вбитые в стену. Но Карсон с необычайной быстротой швырнул в Мак-Роя свою тарелку с жареной дичью и картошкой и испортил ему прицел.

Вторая пуля сбила только белые лепестки с цветка — «испанского кинжала», — торчавшего фута на два над головой Розиты.

Гости вскочили со стульев и бросились к оружию. Стрелять в жениха и невесту во время свадьбы показалось им поступком крайне бестактным. Через шесть секунд двадцать пуль должны были устремиться к Мак-Рою.

— В следующий раз я прицелюсь точнее, — прокричал Джонни, — и этот следующий раз настанет! И он быстро скрылся.

Карсон, овчар, движимый после успешного опыта с брошенной тарелкой жаждой новых подвигов, первым добежал до двери. Пуля Мак-Роя из темноты уложила его.

Тогда ковбои бросились за ним, взывая к мщению; вообще убийство овчара не всегда вызывало их возмущение, но в данном случае оно определённо шло вразрез с правилами приличия. Карсон не был виноват ни в чём; он не принимал никакого участия в обряде бракосочетания; и никто даже не слышал, чтобы он декламировал гостям рождественские гимны.

Но вылазка не удалась. Мак-Рой был уже в седле, он нёсся вскачь, осыпая своих преследователей громкими проклятиями, угрозами, и скрылся в спасительном кустарнике.

В ту ночь и родился Малыш с Фрио. Он стал «вредным элементом» этих краёв. Отвергнутый мисс Мак-Меллэн, он сделался опасным бандитом. Когда полицейские явились арестовать его за убийство Карсона, он убил двоих из них и затем стал

вести жизнь отщепенца. Он научился удивительно хорошо стрелять с обеих рук. Иногда он появлялся в городках и посёлках, затевал ссоры по малейшему поводу, укладывал своего противника и смеялся над блюстителями закона. Он был так хладнокровен, так беспощаден, так проворен, так бесчеловечно кровожаден, что его и ловить побаивались. Когда наконец его застрелил маленький однорукий мексиканец, который сам еле жив был от страха, на совести Малыша с Фрио было уже восемнадцать убийств. Около половины жертв он уложил в честном поединке, где исход зависел от быстроты выстрела. Другую половину он умертвил просто из жестокости, ради одного удовольствия.

Много существует на границе рассказов о его дерзкой храбрости и отваге. Но он не был из породы тех головорезов, у которых всё-таки бывают минуты великодушия и даже кротости. Уверяют, что он никогда не знал милосердия к людям, вызвавшим его гнев. Однако в этот и в каждый день Рождества как-то хочется отдать по возможности каждому должное за всякую искру добра, которая могла бы в нём оказаться. Если Малыш с Фрио совершил когда-нибудь доброе дело, если в сердце его шевельнулось когда-нибудь великодушное чувство, это случилось именно в день Рождества. И вот каким образом.

Человеку, потерпевшему неудачу в любви, никогда не следует вдыхать аромат цветов ратамы. Они опасно освежают память.

Однажды в декабре в округе Фрио ратама стояла в полном цвету: зима была тёплая, точно весна. Мимо